

ВИОРЭЛЕВА КИСТЬ

Я получаю удовольствие, когда пишу то, что, как я подозреваю, не будет иметь никакого значения.

Виорэль Ломов

Так надо же понимать, что для него имеет значение, а что — нет. Ломов полушутя предупреждает читателей, чтобы те не искали в его текстах точно воспроизведения событий. Память капризна, говорит он. Начинаешь вспоминать — и всплывает то, чего «и близко не было». И притом готов голову дать на отсечение, что «все было именно так».

Так было или не было? И ищешь в тексте то, что реализуется «именно так», как требует душа, хотя в ходе событий этого и «близко не было».

Ход событий драматичен и непредсказуем. Ломов — из того последнего советского поколения, которое великой войны не застало, а вместо чаемого светлого будущего получило распад страны и исчезновение тех опорных точек бытия, которые отца и деды оплатили своими жизнями, нынешние же умники объявляют химерами.

При переходе из мечтательного и костоломного XX века к непредсказуемому и обманному веку XXI это послевоенное поколение то ли обрело, то ли потеряло почву под ногами. И вот им теперь семьдесят, судьба страны в их руках...

Именно на переломе веков, в 2000 году, Виорэль Ломов, выпускник Московского энергетического института и специалист Минатома, круто меняет свою судьбу, публикуя в «Сибирских огнях» свой первый роман «Мурлов», с которого начинается его триумфальное восхождение по литературной лестнице.

Триумфальное — по числу премий и конкурсных призов, но далеко не триумфальное по пережитой в душе трагедии, когда победоносная страна оказывается на грани распада. «Преодоление отсутствия» — вот обоюдоострый сюжет, в котором крах утраченных ценностей пробуждает в душе не только желание отшутиться («Мурлов» — чувствуете?), но и упрямое желание найти новую почву!

В какой-то степени это подхват традиционного для русской души комплекса «лишнего человека», но в совершенно новой ситуации... Впрочем, вот как об этом пишут критики: «Если присмотреться, перед нами хорошо знакомый тип “лишнего человека”, только уже в совершенно новых условиях, на рубеже двух тысячелетий, в расколовшемся, как зеркало, на мелкие куски современном мире. Отсюда — “осколочная” композиция романа, где в каждом таком осколке отражена-преломлена — иной раз с кривизной, фантазмагорией, а то и сатирически-иронически, — частичка нашего бытия...»

Как же обретает почву бытие наше, преломившееся от пьянящих ожиданий мирового счастья к нынешнему времени, когда оспариваются тысячелетние основы нашего бытия и оказываются под ударом ценности, оплаченные кровью отцов и дедов?

Как выходит русская культура из этого испытания, в котором человечество, отшатнувшееся от жути атом-

ной войны, вязнет в природной агрессивности? Террор и тревога неизбежны, неустраимы, фатальны?

Неустраимы. Но не фатальны. Значения событий под кистью Виорэля не прорезаются остро, а соприкасаются мягко... как пары в вальсе.

Вот вам вальс-фантазия из книги Виорэля Ломова «Тихая заводь бытия», изданной в Москве Международным союзом писателей.

«Эта история с географией произошла в нашем городе в начале девяностых годов прошлого столетия, лет за десять до обещанного конца света. Говорят, конец света уже был, но не прошел второе чтение в Госдуме. Население же продолжает, как и в начале девяностых, грешить-каяться и, кувыркаясь через головы, идти туда, куда ему не хочется, но куда оно идет».

Вы не можете решить, что именно тут в базе: то ли конец света, в ожидании которого люди кувыркаются, то ли кувыркания людей, не верящих в конец света. Любой вариант означал бы «законченное понятие», которое для Виорэля значения не имеет, а значимо тут — шуршание слов, утративших привычные значения.

Пустота и запах воли... «Где стук, там и стук». И даже не стук (имеющий разные смыслы), а именно шуршание слов, теряющих привычные значения. «Всеобщее затемнение мозгов и нравов». Идешь куда глаза глядят — туда, не зная куда...

Самое неожиданное — когда в этом шуршании вдруг обнаруживается чье-то имя. Например, имя собственное. «Верлибр Павел Петрович». Вот чудо-то! «В мужчине должно быть что-то от дикого зверя, не запах, так хоть имя». Может, и собственное имя рассказчика, Виорэля Ломова, — диктует ему такой интерес? Имя — что-то прочное в условиях всеобщего полураспада. И это имя — теряется, едва человек соприкасается с другими

Где? На массовых манифестациях?

Именно! «Толпа, предчувствуя начало праздника, гудит и бьется в серые здания, как волна... Гражданам все равно, что — демонстрация или гулянка, лишь бы вместе побывать».

В этом мире полураспадов лучше не высовываться. Лучше помалкивать. И не доискиваться причин.

«Красота появляется из ничего и в никуда уходит».

Это терпимо — в шуршащих словоприкосновениях.

Но в реальности — чем может обернуться?

Летчик-испытатель признается матери: «Мне, ма, каждый раз страшно возвращаться с неба на землю.

— Ты хоть счастлив, сынок? — дрогнул ее голос.

— Сверху так красиво все, — сказал он, почувствовав, как в сердце его вошла игла.

— Может... в отставку, Васенька?.. Ты побледнел что-то...»

Вся реальность побледнела...

Мать чувствует конец света. Сын, как и все, кувыркается, летая и мыслями в небесах.

Есть ли выход из этого мистического полураспада?

А что если от догматов марксизма, который приручил когда-то бродившего по Европе призрака, вернуться к тому, что определяло бытие до этих социальных директив? Когда бог создавал обезьяну, ей, обезьяне, было плевать, что бог создал ее до человека в качестве опытного образца. Может, вернуться к этим природным образцам? Зоопарк перемешивается с человеческим жильем... Лев лежит на будке кассира и дремлет... Львица, как кошка, играет с женской туфелькой... Тигры на рельсах ждут трамвай... Верблюд под забором, замечателен в своей горделивости и почти обретает имя: взгляд у верблюда — «как у Иннокентия Смоктуновского...» А вокруг — змеи заползают в орлиные гнезда...

В этом шуршании слов, потерявших былой смысл, вдруг прорезается и гаснет привычная для моего поколения тяжба Востока и Запада: «Да уж там какой чай! Так, моча конская...»

Глушко встал и, направив руку на запад, произнес:

— Моча!

Гость радостно повторил:

— Мачо!»

Вот и сняли тысячелетний спор Востока и Запада... по нынешним временам оборачивающийся тяжбой Юга и Севера... Еще бы и его снять... чтобы бытие утихомирить...

«Тихая заводь бытия» брезжит под кистью Ломова... пробуя возродиться среди невменяемых кувырков истории.

Не знаю, долго ли эта заводь удержится как тихая... Но трогательно, что под кистью Виорэля сохраняется общий масштаб бытия, не желающего знать, что конец света близок.

